

О.М. Бодянский

**О народной поэзии
славянских племен**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
О-11

О-11 **О.М. Бодянский**
О народной поэзии славянских племен / О.М. Бодянский – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 156 с.

ISBN 978-5-517-83646-5

О народной поэзии славянских племен.

ISBN 978-5-517-83646-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

сдѣлаться, чѣмъ суждено ему Провидѣніемъ означить себя на поприщѣ міра въ ряду своихъ собратій, хочеть быть собой, жиеть своей коренной жизнью, мыслиеть своей головой, чувствоваться своимъ сердцемъ, желать своей волей, дѣйствовать самъ собой, непосредственно, и, такъ об., жиеть всѣми силами своего бытія, сдѣлаться вполне *народнымъ*. Народность нимало не препятствуетъ совершенствованію себя какъ каждому недѣлимому, такъ и цѣлому народу. Совершенствованіе человѣческой природы вездѣ возможно: оно условливается просвѣщеніемъ, образованіемъ, и только ими достигается; а просвѣщеніе гдѣ угодно уживается. Для него нѣтъ разности климата: оно возможно вездѣ, поладить со всякою народностью, потому что оно не только не испровергается ее, напротивъ помогаетъ ей еще успѣшнѣе развиваться, направляетъ дальнѣйшіе ея шаги, указываетъ вѣрный, возможно ближайшій, путь, охраняетъ отъ порчи и паденія, очищаетъ, просвѣпляетъ, совершенствуетъ. Одно лишь худо понятное или и вовсе ложное просвѣщеніе тѣснитъ и давитъ, гонитъ и истребляетъ народность. Неужели просвѣщеніе необходимо требуетъ изглаженія всѣхъ родимыхъ ошпѣнковъ, пребудетъ уровня безцвѣтності? Кто менѣе образованъ: спрашивается ли привязанный къ идеализму Нѣмецъ, суевѣрный Французъ, или расченливый Англичанинъ? И, однако же, родная фizioномія въ каждомъ изъ нихъ положительно всегда проглядываетъ, какъ въ людяхъ, занимающихъ высшія государственныя должности, отличающихся преимущественно своимъ просвѣщеніемъ.

ніемъ, такъ и въ людяхъ, стоящихъ на низшей ступени общества, и ни вельможа, ни поденьщикъ, ни Лордъ, Перъ, Герцогъ, ни селянинъ и нищій, не гнушаются собой, не отвергаются себя.

Конечно, не было еще народа, который бы изъ первоначальнаго возраста своей жизни, дикости, выходилъ самъ собою, точно какъ всякой человѣкъ достигаетъ полнаго развитія своихъ способностей, полнаго образованія, только при помощи другихъ. Получивъ съ рожденіемъ душу, отверсшую къ разумнѣю и совершенствованію, первая начала образованія человѣкъ заимствуетъ чрезъ наученіе говорить и, такъ обр., съ словами принимаетъ въ себя первая понятія — зародыши будущаго развитія умственныхъ силъ, далѣе чрезъ наученіе нѣкоторыхъ дѣйствій для удовлетворенія житейскимъ требованіямъ: вошла начальная школа первичнаго образованія каждаго человѣка. Точно такъ и народъ: онъ всегда къ высшей образованности быть выводимъ другимъ народомъ, прежде его образовавшимся: сначала довольствуется, обыкновенно, только своимъ руководителемъ; но умъ человѣческій по своей природѣ не можетъ вѣчно довольствоваться простымъ принятіемъ чужаго, чужими понятіями, истинами, опытностью, устройствомъ своей жизни по образцу жизни другаго. Наступаетъ время, когда, сознавая свою мощь и самостоятельность, горитъ желаніемъ шворить самобытно, создавая собственный міръ понятій, и ш. д., живитъ независимо, своею удѣльною жизнью. Этого времени не минуетъ, рано или поздно, ни человѣкъ, ни народъ, если

только Судьбы опредѣлили ему не *прозябать* весь свой вѣкъ, а совершивъ полный кругъ своего бытія. Тогда народъ, управляемый опчешливымъ самосознаніемъ, хопя и не покидаешъ вовсе своихъ сосѣдей, болѣе просвѣщенныхъ, но уже сообщается съ ними не для простаго подражанія имъ, не для расположенія своихъ дѣйствій по ихъ дѣйствіямъ, не для того, чпобы поровняпсья съ ними, но чпобы слѣдишь ихъ своимъ умомъ, наблюдашь, понимаешь ихъ хорошее, лучшее, спараться собственное свое, родное, возвеспи до равной степени и, даже, пойпши далѣе, возвысипсья, спашъ съ ними на одинакой высотѣ жизненнымъ развитіемъ спихій своенародныхъ. Слѣдовашельно, любовь къ своему, родному, въ шакомъ случаѣ, шакъ понимаемая, естъ настоящій ключъ къ истинному просвѣщенію, вѣрному самоусовершенствованію, источникъ жизни живой, плодоносной, самостоятельной, своеобразной, своевременной, своеспихійной, всеспоронной, полной, вѣчноююной. Вотъ въ чемъ заключается прочная самобытность народовъ!

При шакомъ повсемѣстномъ спремленіи къ народности, и Словесность, какъ выраженіе общеспива, спѣшишь оправдашь свое назначеніе, бышь вѣрнымъ и правдивымъ зеркаломъ жизни народовъ, направляясь какъ можно ближе къ спихіямъ, условливающимъ бытіе ихъ, и вѣрни мѣрами опражая въ себя духъ народный въ чиспѣйшемъ, безпримѣсномъ видѣ. Жизнь народа имѣешъ свою особенную физіономію, слагающуюся изъ его физическихъ и душевныхъ свойствъ. Когда народъ развиваешъ въ своемъ суще-

спивованіи свою личность, свою особенность, онъ живетъ самобытно, своеобразно, народно, выражаетъ своимъ бытіемъ идею, какую предопредѣлено ему вѣчнымъ Промысломъ осуществити свою жизнью. Эпическая идея, проявленіе всей своеобразной жизни народа, устанавливаемая его религіей, философией, нравами, обычаями, исторіей, мѣстностью страны и ея свойствами, вѣрованіемъ, языкомъ, безчисленными житейскими условіями, и. п., ни въ чемъ шакъ ярко, сильно, чисто, прочно и совершенно не выражается, какъ въ Словесности. И потому Словесность, будучи отраженіемъ стихій, составляющихъ бытіе народа, непременно должна быть народною. Разумѣется, Словесность для этого не должна рабски списывать свой народъ, ограничиваться одними внѣшними формами его жизни, низшими слоями общества, простонародіемъ, хотя и проспой быть нечуждъ прелести, своего изящества, своей поэзии. Въ природѣ нѣтъ предмета, который бы былъ положительно худъ, на который бы нельзя было взглянуть съ поэтической точки зрѣнія, потому что вселенная, какъ твореніе совершеннѣйшаго Существа, должна быть также совершенна. Точно, много утратила она своего изящества послѣ паденія человека, пославленнаго ей въ царя, но все же не вовсе лишилась своего совершенства, какъ и эпошъ послѣдній. Главное — уловить это изящество, провидѣть его сквозь толстую кору, покрывающую его собой. Поэтому и голая, черневая сторона жизни народа, если взглянуть на нея съ этой точки, прошедши черезъ горнило поэтического вдохновенія, можетъ возвы-

сидься до степени изящества. Таку-то народность, очищенную, переплавленную, облагороженную должна опражашь въ себѣ Словесность каждого народа.

Отсюда и Поэзія, какъ цвѣтъ, вершина слова, вѣнецъ Словесности народа, непременно должна быть, также, въ высочайшей степени народной.

Народность нимало не преніяшствуетъ ей оставаясь вѣрною идеѣ изящества, быть настоящею, изящною Поэзіей. Истинная Поэзія не можетъ быть не народною. Она есть выраженіе духа человѣческаго во всѣхъ его проявленіяхъ, не просто вымыслъ безъ всякаго отношенія къ дѣйствительному міру, сухое, голое ошвлеченіе, не рабское изображеніе дѣйствительности; напротивъ она есть спрочайшее сочетаніе идеальнаго съ дѣйствительнымъ, вѣрнѣйшее осуществленіе идеи изящнаго въ прекраснѣйшей, приличнѣйшей ей формѣ, такъ сказать ея ошувствленіе; она — творчество по глубокому разумѣнію силы внутренняго съ вѣншнимъ его образомъ, творчество по идеаламъ, отъ вѣка существующимъ, присущимъ всѣмъ временамъ и народамъ, гармоническое соединеніе духа и матеріи. Она истинное изображеніе жизни въ ея дѣйствительности, жизни, коей всякое бѣеніе уловлено, схвачено внутренній, настоящій смыслъ каждой ея части, проявленъ въ формахъ, воплѣтъ ее выражающихъ, безъ педантизма, мѣлкой точности въ частностихъ, легко добавляемыхъ при полной передачѣ главнаго, существеннаго. Но родъ человѣческій слагается изъ народовъ, изъ коихъ всякой имѣетъ свою Поэзію,

потому что Поэзія прирождена народу; народъ, какого бы онъ племени ни былъ, вовсе безъ Поэзіи быть не можетъ. Такое явленіе не въ природѣ вещей; такой безпоэзіичный народъ — несбыточное дѣло: эпо не нуждается ни въ какихъ поясненіяхъ. Отсюда у каждого народа есть ему одному только свойственная Поэзія, какъ плодъ внутренняго его творчества, его поэтической способности. Эта его Поэзія, потому самому что составляетъ произведеніе его, непременно и прежде всего должна быть впечаткомъ его жизненнаго бытія, отголоскомъ всѣхъ его сопряженій, являясь въ томъ или иномъ видѣ, смотря по ходу судьбы народа, его жизни, положенія, обстоятельству, — слѣдовательно безпристрастно отражать внутреннюю и лицевую сторону существованія его, быть своенародною, своевременною. Будучи народной, она не перестаетъ быть изящной; изящное никогда неизмѣнно: оно всегда и вездѣ равно самому себѣ, одинаково. Истинно изящное доступно и понятно всѣмъ въкамъ и народамъ, и можетъ быть оценено всеми по своему достоинству. Всѣ народы согласно признають одинъ и тотъ же предметъ прекраснымъ, изящнымъ, потому что въ духѣ нашемъ существуетъ первообразъ красоты, чію идея изящнаго — неосъзмлемая принадлежность всего человечества: оно равное производитъ впечатлѣніе и на грубыхъ, дикихъ народовъ, и на самыхъ просвѣщенныхъ. Только форма проявленія изящнаго до безконечности разнообразна: нмало не измѣняя сущности его, народъ одѣваетъ прекрасное согласно своимъ понятіямъ о

немъ, согласно степени своего эстетическаго образованія. Въ такомъ или другомъ взглядѣ народа на изящное, въ той или иной формѣ облеченія, осуществленія, именно—то и заключается оригинальность творчества, самоспонтанность всякаго искусства, слѣдов. и Поэзіи, какъ единственнаго словеснаго искусства. Оппого Поэзія необходимо должна имѣть на себѣ печать того народа, коему принадлежитъ, печать яркую, неизгладимую; оппного шѣ только поэтическія произведенія истинно изящны, кои, будучи свободнымъ плодомъ творчества челоѣческаго духа, со всѣхъ сторонъ выражая идею изящнаго, оппны въ типѣ самобытнѣй, свойственнѣй тому народу, къ которому относятся, отражаютъ въ себѣ, какъ въ кристалловидной поверхности водѣ, народъ со всѣми его свойствами, похвальными качествами и недоспѣлками, представляющъ собой полную картину, вѣрнѣйшій оппечатокъ, самый правдивый образъ его жизни, его судьбы въ данную эпоху бытія его. Такая Поэзія будетъ въ высочайшей степени изящною, оригинальною, своенародною, Поэзіей жизни; ей будутъ сочувствовать, ее поймутъ и оцѣнятъ не отдѣльные любители, не одни только записные знайки изящнаго, но цѣлая нація, цѣлый народъ, все челоѣчество. Вотъ ея слушатели, послѣдователи, цѣнили, судьи и вѣчные защитники! Напронивъ, удаляясь отъ этого, столько естественнаго и единственно прямого, пуши, Поэзія перестаетъ быть истинною Поэзіей, безотчешнымъ, свободнымъ созданіемъ творящаго духа, внушеннымъ своенароднымъ вдохновеніемъ, живымъ голосомъ из-

вѣстнаго вѣка, извѣстнаго неба, извѣстнаго народа, но сколкомъ другой Поэзіи, намѣреннымъ подражаніемъ какому-нибудь чужому произведенію, рабской капировкой, ребяческимъ передразниваніемъ. Какъ бы точно ни было подражаніе, Поэзіи ли другаго народа, природѣ ли, или чему иному, все оно подражаніе, ни болѣе, ни менѣе: это слѣпки безъ жизни и души, простое эхо. Допустивъ, даже, возможность поровнявшася съ какимъ-либо предметомъ, это не значить сдѣлавшася тѣмъ же самымъ предметомъ, но только вознесшися до одинакой высоты, и все же оспашся спискомъ, а списокъ — не подлинникъ: здѣсь борьба пигмея съ исполиномъ! Безспорно, и въ подражательныхъ произведеніяхъ могутъ быть, и есть, великія частныя красоты, достоинства первостепенныя; и на нихъ можетъ лежать печать вѣка, болѣе или менѣе замѣтная печать народа, и ш. д., потому что поэтъ всегда связанъ съ своимъ міромъ, землей, эпохой; но это красоты—прививныя, не вяжущіяся съ цѣлымъ; это оранжерейныя цвѣты, выращенныя въ теплицахъ, а не подъ открытымъ небомъ, вскормленныя искусственною теплою, а не сокомъ родной почвы, возбуждаютъ минувшее, преходящее, смѣшанное всегда съ невольной жалостію, удовольствіе; эти опшечашки вѣка, народа и страны—родимая пятна, и шутъ только что увеличивающъ безобразіе, выказывая всю неестественность положенія, въ кошоромъ поставлено цѣлое. Не бытъ Сѣверу Югомъ, не росши пальмовымъ лѣсамъ на нашихъ поляхъ, не дважды молодѣть: такъ точно одной и той же Поэзіи разъ суждено совершить свое

поприще; прошла пора — ее уже не воскресить. Она была вполнѣ шѣмъ, чѣмъ ей быть должно, была собою въ свое время, въ своемъ мѣстѣ, у своего народа; для другихъ—она имѣла только докуменціальное, историческое достоинство: по ней можемъ судить о степени жизни этого народа и пр., и пр., можемъ, и должны, изучать ее, не для того, чтобы опречаться отъ своей Поэзіи, намъ прирожденной, располагать ее по ней. Позволиительно восхищаться и стараться свою довести до равной степени совершенства и, если можно, пойти далѣе; но идти своей дорогой, указанной намъ Промысломъ, и быть собой, а не Греками, Римлянами, Индійцами, и пр. д. Тѣ были, чѣмъ имъ быть суждено, были и прошли; не всѣмъ быть однимъ и шѣмъ же; шеперь наступило наше время, и намъ должно быть нами, а не кѣмъ другимъ. Къ совершенству ведетъ не одна дорога; каждому определено достигать его своимъ путемъ, если только захочетъ достигать его, быть своеобразно совершеннымъ, равнымъ прочимъ. Такъ точно и въ области Поэзіи. Всякая Поэзія должна быть собой, стремиться своей дорогой къ полному, гармоническому развитію себя, съ твердою надеждою достигнуть такого же совершенства, какъ и другія ея сестры, изъ коихъ каждая сдѣлалась шѣмъ, чѣмъ есть, единственно стараясь быть собою; напрошивъ, сбиваясь съ этого пути, добровольно сама себя убивала, дѣлалась второстепенною, хвостомъ блестящей кометы, не производила вѣчноюнаго дѣйствія, не могла возбудить къ себѣ неспаряющагося сочувствія. Но оставаясь втрѣ-

ной себѣ, своей природѣ, Поэзія неминуемо, волею-неволею будетъ Поэзіей народа, зеркаломъ пушей его жизни, отраженіемъ идеи, проявляемой этой жизнью, составляющей собой душу народа. Кромѣ того, направление Поэзіи, ея характеръ, уснаавливается жизнью народа, его возрастомъ: въ какомъ возрастѣ находится народъ, такова и Поэзія его, какъ опкровеніе народа; въ ней разблается характеръ возрастной его жизни, преобладающій надъ всѣмъ и дающій собой направление всѣмъ часпямъ, составляющимъ цѣлое, наводящій на все одинакій цвѣтъ. Ясно, что Поэзія опредѣляется исторіей народа: зная ее, зная какой періодъ своего бытія совершаетъ народъ, напередъ можно опгадать, какой характеръ его Поэзіи, какой родъ ея преобладаетъ у него. И наоборотъ: случается, что народъ не всегда имѣетъ у себя лѣтописи своей жизни, или не всѣ, не вполнѣ; въ таковомъ положеніи Поэзія поясняетъ собой исторію, замѣняетъ ее. По ней потчасъ можно опкрыть, какой путь прежде проходилъ народъ, что съ нимъ было, какъ онъ развивался и дошелъ до того состоянія, въ какомъ теперь находится. Конечно, нушь не будетъ ни годовъ, ни чиселъ, ни именъ, и ш. п. принадлежностей лѣтописи, зато все это пополяетъ собой духъ времени, духъ прожитой жизни, пошому что Поэзія есть самое вѣрнѣйшее и ни какому сомнѣнію не подлежащее свидѣтельство о жизни народа, картинна его бытія, и ш. д. Первые поэмы, обыкновенно, большею часпю, неизвѣстны, что очень естественнo. Въ первомъ возрастѣ народа пѣвцы, подобно младенцу, не столько